

Как иммиграция способствует трансформации России в ассимиляционистское национальное государство

ПОНАРС Евразия
Аналитическая записка № 347
Сентябрь 2014

Шенер Актюрк
Университет Коч

Феномен иммиграции часто анализируется в рамках политэкономии или исследований безопасности. При рассмотрении в контексте национальной идентичности иммиграция неизменно изображается в качестве «вызова» или «препятствия» для национального государства. Однако, как будет показано мной в данной аналитической записке, влияние иммиграции на формирование нации находится в зависимости от государственной политики по отношению к этническому разнообразию, которую я называю «режимом этничности». В зависимости от имеющего место режима этничности, иммиграция может быть ресурсом и ключевым инструментом поддержки новых националистических проектов. Как показано в записке, такая ситуация, вероятно, уже имеет место в России с конца периода «холодной войны». Массовая иммиграция способствует трансформации России из полиэтничного государства в ассимиляционистское.

Режимы этничности

«Режимы этничности» – развиваемая мной в недавней монографии концепция, рассматривающая ту совокупность государственных политики и институтов, которая регулирует этническое разнообразие.¹ Режимы этничности определяются по критериям членства и возможности выражения. Если государство использует дискриминирующие законы об гражданстве и эмиграции для ограничения членства (а именно гражданства) одной этнической группой, то в нём имеет место «моноэтничный» режим. Дания, Германия, Греция, Япония и многие другие государства мира являют собой примеры моноэтничных режимов. Если же государство относительно легко даёт гражданство представителям различных этнических групп, но при этом препятствует правовому и институциональному выражению этнического разнообразия, то в таком случае оно имеет «антиэтничный режим». «Ассимиляция» этнических меньшинств является сутью осуществляемой в таких странах общей стратегии по отношению к этническому разнообразию. Алжир, Буркина-Фасо, Франция, Турция и многие другие страны мира представляют собой такого рода антиэтнические режимы.

¹ Şener Aktürk, *Regimes of Ethnicity and Nationhood in Germany, Russia, and Turkey* (Cambridge 2012).

Если государство легко предоставляет гражданство представителям различных этнических групп и поддерживает правовое и институциональное выражение этнического разнообразия среди своих граждан, то в нём существует «полиэтничный» режим, примерами которого являются Бельгия, Канада, Индия, Нигерия и многие другие государства. Как Советский Союз, так и Российская Федерация определённо представляют собою полиэтничные режимы, однако ключевые изменения в их политике при прежнем президенте Борисе Ельцине и при нынешнем президенте Владимире Путине указывают на то, что Россия движется по направлению к ассимиляционистскому антиэтническому режиму и, как будет показано далее, массовая иммиграция способствует такого рода трансформации России.

Советский Союз и его полиэтничный режим

Подход Советского Союза основывался на официальном содействии этническому разнообразию посредством различных шагов, включая предоставление этнотерриториальной автономии «титულным» этническим группам (татарам в Татарстане, армянам в Армении и т.д.), признание множества официальных языков, образование на родных языках, политику равных возможностей в сфере трудоустройства и указание этнической идентичности в паспортах граждан. Многие политические требования и права были увязаны с этническими различиями, и территориальная этничность считалась нормой. Основой советской полиэтничной модели являлась исходная посылка о том, что большинство членов каждой этнической группы населяет конкретную территорию, на которой они имеют этнотерриториальную автономию; такая посылка была обоснованной в условиях отсутствия массовой миграции. Однако та иммиграция, с которой Россия имеет дело в последние два десятилетия в сочетании с сознательным отходом от подчёркивания этнической идентичности в государственной политике вероятно разрушит эту модель.

Вызовы иммиграции режимам этничности и российский случай

То, усиливает ли массовая иммиграция конкретный режим этничности или же угрожает ему, зависит от политики государства в отношении иммиграции и натурализации, а также от этнического и языкового состава иммигрантов. Иммиграция усиливает моноэтнический режим в том случае, если большинство иммигрантов родственны доминирующей этнической группе принимающей страны, однако угрожает моноэтническому режиму если большинство иммигрантов принадлежит к другим этническим группам. Иммиграция усиливает антиэтнический режим, когда большинство иммигрантов уже говорит на официальном языке принимающей страны и не имеют желания либо неспособны потребовать этнической автономии или языковых прав; в то же время, иммиграция угрожает антиэтническому режиму в том случае, если большинство иммигрантов принадлежат к той же этнической группе, что и компактное этническое меньшинство, которое может выдвинуть более жёсткие требования по поводу этнической автономии и языковых прав. Что касается роли иммиграции в условиях полиэтничных режимов, как в случае с Россией, верно противоположное: а именно, иммиграция может угрожать таким режимам, если большинство иммигрантов уже говорит на главном официальном языке страны (русском) и притом не являются этнически близкими крупным и территориально

компактным группам, уже существующим в стране (что в российском случае соответствует титульным группам в этнических республиках).

Россия - вторая в мире страна по приёму мигрантов

Распад Советского Союза привёл к крупнейшим территориальным потерям, которые Россия знала в своей истории. После этого Россия заняла второе место в мире вслед за Соединёнными Штатами по приёму мигрантов. По данным российской статистики в период с 1992 по 2001 гг. в Россию переехало в общей сложности 10,7 миллионов иммигрантов, тогда как по данным ООН в 2002 г. в России проживали 13,2 миллионов иммигрантов.² Согласно более свежим данным, в 2013 г. в РФ находились 11 миллионов иммигрантов, хотя ежегодный показатель чистой миграции снизился с 453 000 в 1990-х гг. до 389 000 чел. в 2000-х гг.³ В 2013 г. иммигранты составляли 7,7% населения РФ. Это не удивительно: когда крупные государства, подобные Советскому Союзу, распадаются, государство-ядро (в нашем случае Россия) принимает многих граждан распавшегося государства (особенно если они принадлежат к родственной в этническом или языковом отношении группе) в качестве иммигрантов.

Другой структурной причиной того, что Россия продолжает принимать большое количество иммигрантов, является её беспрецедентный демографический дефицит из-за низкого уровня рождаемости и высокого уровня смертности. Демографический дефицит делает Россию в этом плане похожей на Германию – третью страну в мире по числу принимаемых иммигрантов. Подобно тому, как Германия нуждалась в гастарбайтерах немецкого происхождения в дополнение к интеграции миллионов этнических немцев после Второй мировой войны, Россия принимает миллионы как этнических русских, так и иммигрантов других национальностей.

Кто иммигрирует в Россию? Какое влияние это оказывает на формирование нации в России?

Что означает для формирования нации постсоветской России роль второй в мире страны по приёму иммигрантов? Массовая миграция ускоряет превращение России в ассимиляционистское национальное государство, создавая русскоязычный «плавильный котёл».

Двумя ключевыми переменными, определяющими влияние иммиграции на формирование нации, являются этнолингвистические характеристики иммигрантов и общая политика государства по отношению к этническому разнообразию, которую я ранее определил как «режим этничности». В России оба фактора в настоящее время способствуют постепенному разрушению формальной полиэтничной структуры Российской Федерации, доставшейся ей в наследство от СССР, и благоприятствуют созданию более ассимиляционистского национального государства, такого как во Франции, Турции или США.

² Vladimir Iontsev and Irina Ivakhniouk, "Russia in the World of Migration Flows," *World in the Mirror of International Migration* 10 (2002), 51-52.

³ United Nations, *International Migration Report 2013*, New York, 2013, 5, 13.

Во-первых, практически все прибывающие в Россию иммигранты, включая 99.5% от тех 11 миллионов, которые приехали в страну между 1989 и 2002 гг., эмигрировали из государств СНГ.⁴ Очень значительное большинство этих иммигрантов, видимо, говорит по-русски, так как они либо являются этническими русскими, либо русский по-прежнему является в странах их прежнего проживания официальным языком или неофициальным языком межэтнического общения. В данном контексте русскоязычные не обязательно являются этническими русскими. Последняя советская перепись 1989 года зафиксировала 11 миллионов не являющихся этническими русскими людей, живших за пределами России, но, тем не менее считавших русский язык своим родным. Это общее количество включало 5,7 миллионов, проживавших на территории Украины, 1,9 миллионов – на территории Белоруссии, 1,5 миллионов – Казахстана, 500 тысяч – Узбекистана и 446 тысяч - Молдовы. Эти цифры дополняли 25 миллионов этнических русских, живших за пределами России, а также неизвестно число тех респондентов, которые могли использовать русский в повседневном общении, но, несмотря на это, указать другой язык в качестве своего родного.⁵ Кроме того, большинство населения государств СНГ, по крайней мере, в некоторой степени владеет русским языком как вторым.

Миграция «возвращающихся на историческую Родину» представителей «своей» этнической группы зачастую провоцирует рост агрессивных национализма и ксенофобии в их новом отечестве и меняет демографический баланс в пользу этнического большинства. Именно это произошло в Германии в 1991-1993 гг., когда ксенофобские нападения на не являющихся немцами иммигрантов и беженцев, ходатайствующих о предоставлении убежища более чем утроились вслед за массовой иммиграцией советских немцев (*Aussiedler*).⁶ Сходный процесс наблюдается и в России, где происходит рост антимигрантских настроений. Кроме того, массовая иммиграция представителей родственных этническому большинству групп закрепила значительное преобладание русских на уровне 80% населения РФ, несмотря на значительно более высокий уровень рождаемости в традиционно мусульманских группах.

Во-вторых, что более важно, со времён президентства Ельцина российская государственная политика смещается в сторону поддержки ассимиляции и отдаляется от поддержки формирования полиэтничной нации, что было отличительной чертой советского подхода к этническому разнообразию. С 1990-х годов российские власти пытаются уменьшить значение этнических различий и обесценить значение этнических автономий. При Ельцине графа о национальности была убрана из паспортов, несмотря на серьёзные возражения и массовые протесты в таких этнических республиках, как Татарстан, Башкортостан и Ингушетия, жители которых опасались, что упразднение этой графы приведёт к постепенной утрате их этнической автономии и даже этнической идентичности. В то время как ранее указание этнической идентичности в гражданских паспортах было обязательным, с 1997 г. было запрещено это делать даже добровольно.

⁴ Yuri Andrienko and Sergei Guriev, "Understanding migration in Russia," *CEFIR Policy Paper Series* 23 (2005), 14.

⁵ Cristiano Codagnone, *New Migration and Migration Politics in Post-Soviet Russia*, Ethnobarometer Programme, 1998, 53-54.

⁶ Şener Aktürk, *Regimes of Ethnicity*, 94-96.

При Ельцине графа о национальности была упразднена и в новых свидетельствах о рождении. При президенте Путине движение в том же направлении продолжалось: было упразднено Министерство национальностей и осуществлено слияние четырёх национальных автономных округов с соседними регионами. Путин также уничтожил прямые выборы президентов этнических автономных республик, тем самым подорвав их общественную легитимность.

Массовая иммиграция будет, вероятно, и далее разрушать ту полиэтничную модель, которую Россия унаследовала от Советского Союза. Это будет происходить по четырём взаимосвязанным причинам. Во-первых, иммигранты уменьшают демографический вес коренных нерусских меньшинств, таких как татары и башкиры. Во-вторых, те иммигранты, которые являются этническими русскими, увеличивают вес соответствующего большинства. В-третьих, поскольку нерусские иммигранты в своём подавляющем большинстве проживают в таких городах как Москва и Санкт-Петербург в качестве состоящего из многих этнических групп меньшинства, не имеющего каких-либо территориальных претензий, они имеют статус детерриториализированного этнического меньшинства, который ставит под сомнение приравнивание идентичности этнического меньшинства к территориальной автономии. В-четвёртых, поскольку иммигранты не имеют каких-либо из тех политических прав (таких как образование на своих родных языках и возможности позитивной дискриминации), которыми располагают титульные этнические группы в своих автономных республиках, по мере повышения численности и видимости иммигрантов привилегии нерусских титульных этнических групп будут выглядеть анахронистическими и неоправданными. В особенности, естественными союзниками российских властей в деле ослабления сепаратистских вызовов из автономных республик являются русскоязычные иммигранты.

Российские титульные этнические группы хорошо осознают то вероятное негативное влияние, которое может иметь на их статус массовая иммиграция. По этой причине они демонстрируют гораздо более высокий уровень ксенофобии по отношению к иммигрантам, чем другие нерусские этнические группы в России. Это показано в интересном исследовании политолога Михаила Алексева, отметившего, что “доля представителей титульных этнических групп, поддержавших депортацию всех мигрантов, более чем вдвое выше аналогичной доли представителей нетитульных этнических групп (41% против 18%).”⁷ Другими словами, титульные этнические группы, которые с большой вероятностью могут оказаться проигравшими в результате массовой иммиграции в Россию, осознают ту угрозу, которую такая иммиграция для них представляет.

Заключение

Влияние иммиграции на формирование нации находится в зависимости от преобладающего в данной стране режима этничности, а также от этнического и языкового состава иммигрантов. В российском случае в основном русскоязычная иммиграция способствует переходу России от полиэтничного режима в направлении ассимиляционистского национального государства. Такого рода тенденция отнюдь не

⁷ Mikhail A. Alexseev, “Majority and Minority Xenophobia in Russia: The Importance of Being Titulars,” *Post-Soviet Affairs* 26, 2 (2010): 101.

является исторически уникальной. Упадок Османской империи в XIX веке сопровождался массовой миграцией миллионов её подданных (почти все из которых были мусульманами, в той или иной мере знакомыми с османским языком) из бывших османскими балканских территорий в Анатолию – миграцией, которая продолжилась после распада Османской империи в 1922 г. За этим последовало создание недвусмысленно ассимиляционистского государства – Турецкой Республики - в 1923; и в основном успешной ассимиляцией им на своей территории в течение 20 века албанцев, арабов, боснийцев, черкесов, лазов, помаков и других этнолингвистических групп. Почти через четверть века после распада СССР Российская Федерация, которая стала второй в мире страной по приёму мигрантов, по-видимому, находится на пути к превращению в ассимиляционистский плавильный котёл.

Elliott School of International Affairs

THE GEORGE WASHINGTON UNIVERSITY

PONARS ● NEW APPROACHES
E U R A S I A ● TO RESEARCH AND
● SECURITY IN EURASIA

© PONARS Eurasia 2012. Данный текст основан на аналитической записке на английском языке с тем же номером. ПОНАРС Евразия представляет собой международную сеть ученых, разрабатывающих новые подходы к изучению проблем внутренней и внешней политики, безопасности и сотрудничества в России и Евразии. ПОНАРС Евразия базируется в [Институте исследований Европы, России и Евразии \(IERES\)](#) Школы международных отношений им. Эллиотта Университета Джорджа Вашингтона. Публикация осуществлена при поддержке грантов Корпорации Карнеги в Нью-Йорке и Фонда Джона Д. и Кэтрин Макартуров. www.ponarseurasia.org